

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинальная статья

УДК 172.1

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_12_630_640

EDN CYWCRK

О философии государственного, державного мышления и биологизме социума

Виктор Иванович Шамшурин¹, Нина Григорьевна Шамшурина²

¹Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (shamshuriny2@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-1099-346X>)

²Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова, Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования, Москва, Россия (shamshurina8@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-6015-4787>)

Аннотация

Философское осмысление государственного, державного мышления как основа общественного мнения, направлено на обоснование идеи суверенитета (само-господства как само-тождества) личности, общества и государства в соответствии с культурно-историческими, цивилизационными и религиозными традициями преемства, имеющими целью утверждения собственной авторской позиции, вырабатываемой на основе универсализма, системности и целостности как объективности, страхующими от рисков и ошибок. Иногда в ряде исследований, при этом, делается упор на биологической, телесно-экономической составляющей, подчас, - на психологической (даже – психопатической), точнее – психо-соматической. В данной статье особо отмечен ещё и не менее важный духовный, философско-религиозный аспект темы. При этом уточняется следующее очень важное положение: когда говорят специально о культурно-цивилизационном аспекте, то это, на поверку, скорее уточнение одного из трёх вышеназванных аспектов, как определённых репрезентативных баз данных в виде социологических или исторических выборок. При определении предмета исследования говорить только об онтологическом как биологическом, только физиологическом и даже экономическом измерении мира политического и происходящих в нём процессов значит упускать возможности рассмотрения этого предмета в наибольшем количестве вариантов. Уже сама оценка-квалификация чего бы то ни было как именно только «биологического», или природного, или материалистического (диалектико-материалистического), или экономического начала, в силу своей рефлексивности, не является чисто биологическим и т.д., но и одновременно, и методологическим, гносеологическим, познавательным этапом. Любой, сколь угодно конкретный эмпирический факт в правовой, социально-политической области, есть совокупность абстрактных суждений, которые тем не менее, нуждаются в философско-стратегическом прослеживании связи с механизмом своего осуществления в реальном социуме.

Ключевые слова: эсхатология, сотериология, личность, общество, государство, культура, цивилизация

Для цитирования: Шамшурин В.И., Шамшурина Н.Г. О философии государственного, державного мышления и биологизме социума // Уровень жизни населения регионов России. 2023. Том 19. № 4. С. 630–640. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_12_630_640; EDN CYWCRK

RAR (Research Article Report)

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_12_630_640

EDN CYWCRK

On the Philosophy of State, Sovereign Thinking and the Biologism of Society

Viktor I. Shamshurin¹, Nina G. Shamshurina²

¹Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russia (shamshuriny2@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-1099-346X>)

²Sechenov First Moscow State Medical University, Russian Medical Academy of Continuing Professional Education, Moscow, Russia (shamshurina8@mail.ru), (<https://orcid.org/0000-0002-6015-4787>)

Abstract

Philosophical understanding of state, sovereign thinking as the basis of public opinion is aimed at substantiating the idea of sovereignty (self-dominance as self-identity) of the individual, society and state in accordance with cultural, historical, civilizational and religious traditions of succession, with the goal of establishing one's own author's position, developed on the basis of universalism, consistency and integrity as objectivity, insuring against risks and errors. Sometimes in a number of studies, the emphasis is placed on the biological, bodily-economic component, and sometimes on the psychological (even psychopathic), or more precisely, psycho-somatic. This article also highlights the equally important spiritual, philosophical and religious aspect of the topic. At the same time, the following very important point is clarified: when they speak specifically about the cultural-civilizational aspect, then this, in fact, is rather a clarification of one of the three above-mentioned aspects, as certain representative databases in the form of sociological or historical samples. When defining the subject of research, talking only about the ontological as biological, only the physiological and even economic dimension of the political world and the processes occurring in it means missing the opportunity to consider this subject in the greatest number of options. The very assessment and qualification of anything as just a "biological", or natural, or materialistic (dialectical-materialistic), or economic principle, due to its reflexivity, is not purely biological, etc., but also simultaneously, and the methodological, epistemological, cognitive stage. Any, no matter

how specific, empirical fact in the legal, socio-political field is a set of abstract judgments, which, nevertheless, require philosophical and strategic tracing of the connection with the mechanism of its implementation in real society.

Keywords: eschatology, soteriology, person, society, state, culture, civilization

For citation: Shamshurin VI, Shamshurina NG. On the Philosophy of State, Sovereign Thinking and the Biologism of Society. *Uroven' zhizni nasele-niya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2023;19(4):630–640. (In Russ.) https://doi.org/10.52180/1999-9836_2023_19_4_12_630_640

Введение

Сейчас много говорят, пишут и, смеем надеяться, думают о единстве общества и государства. Но что это значит? Другими словами, что это за мышление? Что это за философия государственного, державного мышления? Какое при этом органическое единство, и взаимосвязь каких элементов следует иметь в виду? Иногда, при этом, делается упор на биологическую, экономическую, психологическую составляющую. И здесь, прежде всего, конечно же весьма важны такие авторы, как К. Маркс и ранние Н.А. Бердяев и С.Н. Булгаков. Л.И. Петражицкий, постмодерн, например, М. Фуко, Р. Челлен, Дж. Агамбен, Р. Эспозито, Б. ла Тур, Э. Гидденс, Н. Роуз и др. При этом некоторые (Гидденс, Роуз) делают акцент на индивиду, его жизненных потребностях; другие же (Эспозито [1]) предлагают вовсе отменить противопоставление «публичного» – «частному» и утвердить понятие «общего» [Подробнее см. 2–5].

Второй раздел

Особо отметим духовный, философско-религиозный аспект темы. Об этом – у В.С. Соловьёва («Идея сверхчеловека») [6] и С.Л. Франка («Крушение кумиров») [7], Н.О. Лосского [8] и В.Н. Лосского [9]. Несомненный интерес здесь представляет и К.И. Скворцов [10]. Иногда говорят специально о культурно-цивилизационном аспекте, но это, на поверку, скорее, уточнение одного из трёх вышеназванных аспектов.

В философском аспекте результаты дискуссии о личности человека, обществе и государстве, об их органическом единстве более ясны в контексте ответственно осознанной самоорефлексии в виде самоотождественности того, другого и третьего. Как говорил И. Кант, высшая ценность в том, чтобы сказать «это мыслю «Я» в самоотождестве и единстве». Это созвучно в самом системном, как считали Т. Парсонс, Р. Мертон и Ю. Хабермас, универсальном и целостном виде пониманию самой сути политической науки. В этом «виде» мышления о человеке, обществе и государстве, собственно, и заключается его (мышления) государственность и державность как само-удержание от девиантных вариантов самораспада личности, как на индивидуальном, так и на социальном уровнях. Самораспад может быть проявлен в помрачении разума, которое бы-

вает как на личностном, так и на общественном и, к сожалению, – на государственном уровнях.

Последняя, в каком-то смысле, медицинская симптоматика в социально-политической области, в юриспруденции довольно мягко квалифицируется в виде необязательности, недобросовестности, недоговороспособности и неплатежеспособности, иждивенчества и паразитарности, низкой социальной ответственности, когда никто не отвечает за свои слова и действия и не прослеживает их последствий. Проще говоря, постоянно изменяет и предаёт себя и других, как в краткосрочном, так и среднесрочном и, что важнее всего, – долгосрочном режимах.

Кстати, о подобном аспекте, назовём его, повторяем, государственным, державным мышлением, говорит на позднем этапе своего творчества в теории «пан-мэонизма» Н.А. Бердяев. Здесь уместно отдать дань одной из лучших его работ «Опыт эсхатологической метафизики (Творчество и объективация)» [11], с его пристальным вниманием к третьему аспекту личности. Предыдущие два, повторяем, более пристально рассматривались Бердяевым в ранний период его творчества. При этом отметим, что важен органическо-целостный аспект в осмыслении человека, общества и государства в контексте и духовных, и природных, как отмечали В.И. Вернадский [12] и евразийцы. Особенно его ведущие представители – Г.В. Вернадский (его сын) [13], С.Н. Трубецкой и Л.П. Карсавин.

Третий раздел

Напомним о важности помнить о троичности в контексте анализа: 1) причина как источник чего бы то ни было; 2) проявленность, осуществлённость действия этого источника, отражённого в последствиях; 3) смысловая осознанность, как понимание-рефлексия первого и второго. В религиозной экзегетике это: 1) Бог-Отец; 2) Бог-Сын; 3) Бог-Дух. Но какое отношение это имеет к социальности и что такое социальность?

Здесь возможны два, идущих ещё из Древнего Рима, понимания.

Во-первых, это – *socium* – формальная общность, официальный союз чужих, в общем-то, друг-другу людей, механическое скопление незнакомцев на одной территории. Во-вторых, это *socius* – товарищество, дружественное единство,

душевная общность и общение сообщества единомышленников, способных, по Платону и Аристотелю, к единомыслию (омонойи) людей. Это единомыслие возникает относительно совместной цели, понимаемой как благо, для достижения которого люди способны координировать свои индивидуальные и социальные мысли, слова и действия в тех или иных институционально-управленческих, организационно-управленческих формах государственной власти: исполнительной, законодательной и судебной-процессуальной. Так вот, это единомыслие и назовём государственным, державным, мышлением.

Здесь показателен наиболее часто употребляемый в социально-политической теории и практике термин, а именно, – «акт». Он, как известно, именно троичен, поскольку имеет три истолкования. Он (1) субъектен (личностен); 2) конклюдентен (деятелен); 3) рефлексивен, т.к. подразумевает договороспособность, как литеральную, так и мнемоническую. «Акт» – это: «действие», одновременно это рефлексия по поводу действия в плане оценки продуктивных возможностей и предостережений от контрпродуктивных вероятных последствий, рисков, нарушений и злоупотреблений в договорах и обязательствах. Но это ещё и «субъект», который «действует» и, одновременно, договаривается по поводу действий.

Поэтому говорить только об онтологическом как биологическом, только физиологическом измерении социально-политического мира (как это зачастую делается в постмодерне) в корне не верно. Уже сама оценка или квалификация чего бы то ни было как именно «биологического» начала в силу своей рефлексивности, не является чисто биологическим, а, одномоментно, и методологическим, гносеологическим, познавательным этапом. Как справедливо полагал Л.И. Петражицкий, любой сколь угодно конкретный эмпирический факт в правовой, социально-политической области есть совокупность абстрактных суждений. Точное, на этот счёт замечание постоянно делал В.В. Миронов: главное в изучении философии – это природа именно идеального объекта.

Если даже мы говорим в духе киников, скептиков, софистов, а ныне повторяющих их аргументацию (причём не всегда так развёрнуто и доказательно как их предшественники, на которых они почему-то никогда не ссылаются) представителей пост- и нео-пост и т.д. модерна, что «мир это миг», «здесь и теперь», «сумма психических и био-физиологических состояний» и «за него и держись», трансцендентальный вопрос остаётся: что такое социум и политика – это «клиника»? Каков их статус и откуда берутся «эксперты», способные ставить диагнозы и знающие «норму»,

благодаря которой можно говорить об «отклонениях» или о «здоровье» – индивидуальном, социально-политическом? Почему возможна такая метафизическая, философская отстранённость? В любом случае мы утверждаем в духе Платона, Канта и новоникейцев, что в любой сложнейшей ситуации возможен объективный взгляд «со стороны» (знаменитое «айронэ», т.е. «ирония» Сократа), согласно которому «истус зонас тон эон». «И ныне, и присно, и во веки веков», т.е. «всегда будет вечный миг». Но это слабое, несостоятельное, поскольку самопротиворечивое, суждение. Логичнее допускать и право «мета-биологичности» как трансцендентности, трансцендентальности и в праве этой «мета-биологичности» на существование и, тем более, на её изучение.

Как тут не вспомнить случай с софистом, который, читая лекцию своим ученикам, утверждал, кстати, опять-таки, более аргументированно, чем в нынешнем постмодернизме, относительность/релятивность и конвенционализм/субъективность всякого знания, говоря о том, что «не существует абсолютно непререкаемых суждений» и «каждый по-своему прав». И был совершенно озадачен вопросом одного из слушателей, спросившего: «Учитель, а суждение о том, что нет абсолютно непререкаемых суждений – это абсолютно непререкаемое суждение?». Ошарашенный и не зная, что ответить, этот горе философ-софист, смутившись, сначала прервал, а после и вовсе закончил лекцию, т.к. и утверждение, и отрицание ставят, как это совершенно ясно, крест на его доктрине.

Продолжая вышесказанное, следует сделать необходимое, на наш взгляд уточнение по поводу того, что же «держит» людей в согласии их мыслей, действий, да и просто рядом друг с другом. Здесь нужно отметить отличительную черту дисциплин, изучающих человеческие сообщества. Единство предмета изучения и того, кто изучает этот предмет. Это прежде всего человек, который изучает себя и себе подобных. В любом случае, проблема субъекта может быть рассмотрена и биологически, и психологически, и гносеологически. Причём, повторяем, гносеологически, т.е. философским будет и первый, и второй, и, соответственно, третий этапы анализа проблемы субъективности как в индивидуальном, так и в социально-политической областях.

Уже древние греки в этом смысле говорили о субъектах, как о: (1) лучших, исключительных, особенных, избранных и превосходящих всех иных смертных полубогах и героях, способных к системному и стратегическому мышлению, а потому и к власти. Это знатные и благородные басилевсы. Они-то и повелевают (2) заурядным

и бездарным большинством, состоящем, в лучшем случае, из способных лишь к частным, местным интересам, обывателей, которых обозначали «идиотэс». И (3) не способными, как считается в язычестве вообще ни к какому целеполаганию, рабам, которые – в общем-то и не люди, и которых, подобно скотине, нужно гнать кнутом к корыту с едой, т.к. у них вообще нет никаких интересов, и они не понимают даже собственной выгоды. В определении нуворишей – это «нищоброды», которые даже могут испытывать благодарность к своим хозяевам. Первая группа людей (собственно говоря, они-то и есть «полноценные люди», мудрецы-философы, просвещённые относительно истинного хода вещей) – и являются истинно «духовными» (пневматиками), или «знающими» (гностики). Вторая – это «душевные» (психики). Третья категория – «плотские» или «телесные» (гилики, соматики). Собственно говоря, эта типология, встречается и в античности, в язычестве, и в Христианстве.

Но развёрнутые её обоснования принципиально различны и в гносеологическом, и в психологическом, и в биологическом планах.

В первом случае (в язычестве) мы видим утверждение непроходимой границы между людьми, сообществами, государствами и даже цивилизациями. Мы даже наблюдаем утверждение инаковости человеческих природ: познавательных, психо-эмоциональных и биологических. У стойков и, особенно, у гностиков выдвигается идея особой и важнейшей миссии просвещённых сверх-людей – супер-менов – «пневматиков». Достижение этой миссии сверхчеловеками означало и означает (как продолжают эту старую как мир и дряхлую линию «супрематизма-эксептионализма» и ныне и в личном, и в политическом планах современные адепты этой старой идеи) означало и означает циклическое уничтожение (или как сейчас говорят – «отмену») физических, психических и духовных миров и культур, не соответствующих миру и культуре такого самоназначенного «гегемона», предводителя, вождя. Остальные подлежат «отмене» и не имеют право на самобытность, онтологию. И, по сути, иллюзорны. Нет ответа, впрочем, на вопрос, а не иллюзорны ли те, которые считают других – «иллюзорными»?

Повторяем, в античности проводится чёткое, доведённое позже в творчестве А. Шопенгауэра, Р. Киплинга, Ж. де Гобино и Ф. Ницше до предела, «фашистское», «расистское» и «колониалистское» деление людей на «особенных» и «не очень»; «высших» и «низших»; «исключительных» и «заурядных»; «превосходных» и «ничтожных»; «полноценных» и «неполноценных»; «цивилизованных» и «диких»; «свободных» и «холопов», «господ» и

«быдло». Даже безотносительно к юридическим критериям рабства. Первые свободны (парэзия) «прежде всего» от труда и повелевают остальных. Вторые рождены и предназначены обеспечивать их «парэзию», «паразитарность», для того чтобы они занимались свободными искусствами, поэзией, музыкой, танцами, философией, главное – управляли, занимаясь искусствами или, в крайнем случае, покровительствуя (как Меценат, Нерон или Дж. Сорос) им. Все остальные – трудятся на них в качестве прислуги. Здесь главная философия, так сказать «государственное, державное мышление» состоит в том, что кому больше дано, тому ещё больше и прибавится. Больше прав – меньше обязанностей, а незнающие должны служить знающим.

В Христианстве – то же деление, но возможен и даже предвосхищается, как благая весть, переход и в виде взлётов, социальных лифтов. Но и утверждается предостережение от падений. Есть расцветы, но есть и закаты. Есть добродетели, но возможны и пороки, которые трагически, ошибочно принимаются за добродетели. Есть модернизации, но есть и кризисы-стагнации. Но в любом случае, вектор силы устремлён вверх – к Преображению и Спасению. При свободном волеизъявительном и инициативном следовании этому вектору будет и всесильное вспомоществование. Кому больше дано – с того больше и спросится. Знающие должны служить незнающим. Больше прав – больше обязанностей. Как говорит ап. Павел: «мы сильные несём немощи бессильных, а не себе угождать».

Оживление 1-го подхода в виде колониализма, гегемонизма, расизма, нацизма, фашизма, ксенофобии – сейчас очевидно. Чрезвычайно в этом отношении показательно ныне и такое направление как трансгуманизм. В нём расизм как некий нео-биологизм выходит на новую орбиту. Передовой расой становится даже не духовная, психическая или биологическая популяция. Передовым становится поколение электронных, «нейронных» то ли людей, то ли роботов-киборгов, то ли аватаров, превосходящих низшую, белковую расу и «гносеологически, и онтологически, и психически». Как при этом, не разобравшись ни в человеке, ни в электричестве, решить проблему устойчивой идентичности, как державности существования и мышления – непонятно. Да это, видимо и не так важно для сторонников подобной точки зрения, которая, к сожалению, осознанно или не осознанно продолжает, по сути, обоснование языческой традиции изначального неравенства как запрограммированного недостойнства людей разных социальных групп, национальностей, стран, культур, цивилизаций и т.д.

И раньше и теперь кичливое превосходство, ра-
сизм не нуждались и не нуждаются в доказатель-
ствах и данных опыта. Это было бы «унижением»
«высшего» перед «низшим». Главное здесь – фа-
натическое чувство превосходства в отношении
всего «низшего и отжившего», которое просто-
напросто надо взрывать, уничтожать, унижать,
или, хотя бы «отменять». Но всякая культура, ко-
торая отменяет другую культуру – прежде всего
отменяет самоё себя.

Четвёртый раздел

Критерии теорий природы человека, обще-
ства и государства имеют, особенно, с точки зре-
ния философии политики и права не только соци-
ально-политические, правовые и экономические,
психологические, биологические, не только обще-
культурно-цивилизационные последствия. Но и
эсхатологические, сотереологические, т.е. значи-
мые с точки зрения и биологического, и психоло-
гического.

При этом здоровье, излечение и общества
напрямую зависит не только от врача, но и по-
литика, от выбора самого человека и человече-
ства: какой путь развития им по нраву, что их «де-
ржит» на гребне успеха, что и как при этом надо
мыслить «державно»? Выбор одних и тех же бес-
конечно повторяющихся ошибок, принимаемых
за излечение и прогресс, или жизненный выбор,
в соответствии с которым, как говорил Амвросий
Оптинский, жить так, как колесо вертится, – чуть
только одной точкой касается земли, а остальны-
ми непременно стремится вверх; а мы как заля-
жем на землю, так и встать не можем [14, с. 342].
Во втором случае встать и выжить можно, в пер-
вом – нет.

Таким образом, следует говорить о держав-
ности, державном мышлении в духе Л.А. Тихоми-
рова, как о единстве жизни человека и общества,
как единстве убеждений и жизни по убеждениям.
При этом речь идёт о жизни преемственных по-
колений. Это «та тесная связь людей между собой,
которая даёт людям нравственное единение и со-
ставляет сферу развития нашего нравственного
чувства, – всё это реально проявляется и совер-
шается только в отечестве. Его существование
в виде факта совершенно объективного, прояв-
ляется как внутренне, психологически, так и вне-
шне, в виде известного исторического процесса»
[15, с. 144].

Точно так же и известный социолог Г. Лебон
прекрасно характеризует внутреннее психологи-
ческое единение жизни общества как отечества,
обрисовывая то, что он называет «душой народа».
Здесь и чувства, и физиология, и наследствен-
ность. Всё это делает родину второй матерью. Но
здесь и родители, т.е. институт семьи. Третье, ко-

торое обыкновенно считают самым могуществен-
ным по влиянию, но по Лебону, есть самое сла-
бое – влияние среды. Лебон конечно же несколь-
ко преувеличивает значение психологического
фактора, но чётко пишет об общности истори-
ческого дела людей, которое волею или неволею
преемственно передается. Тогда только и можно
говорить об организации в государстве и о госу-
дарстве [16].

Напротив, «недоделанная нация» (по метко-
му определению Л.А. Тихомирова), не достро-
ившая единства своей психики, языка, единства
духовного, а мы скажем, по совокупности, – «де-
ржавности», – не может удобно и стройно сози-
дать, именно «строить» и свою внешнюю жизнь.
Государственное строительство – это долгий и
тяжкий исторический труд. Именно «недостро-
енность», как неустроенность чувствует каждое
поколение. Оно чувствует, что его жизнь, гар-
моническая, стройная, дружная, а потому и бла-
годенственная, страдает от каждого проявления
«недоделанности национального единства» [15,
с. 152]. Поэтому заметим, что политика нацио-
нального единства, как культура державности,
культура государственного, державного мыш-
ления, – во всех государствах без исключения,
составляет задачу, которая преемственно пере-
даётся и осуществляется в течение всей жизни
нации. Эта задача национального единства как
державность, державное мышление (на каких бы
основаниях она не совершалась – лучше, конеч-
но, на устойчивых) – очень сложна. В неё вхо-
дит, повторяем множество составных элементов,
нуждающихся в согласовании, т.е. в управлении.
При этом каждый из них следует развивать и
согласовывать с той же преемственностью и сис-
тематичностью, что и целое. В противном случае,
немедленно и неминуемо, наступает разложение
и целого, и его составных частей, нарушающее
все функции совместной жизни. В этом случае
тесно сплетаются и заботы каждого поколения
и его (поколения) связи-преемства с традицией,
как жизнь поколения для себя и, одновременно,
жизнь «в преемстве», как передача жизни-пре-
емства – следующим поколениям. Это и есть за-
дача национального единства, как державность,
державное мышление, и она очень сложна. В неё
входит множество составных элементов, из кото-
рых каждый приходится развивать с той же пре-
емственностью и систематичностью. Эта задача и
есть организация общего управления, организа-
ция государства. Если же речь здесь идёт о рели-
гии, как наиболее сложной составляющей жизни
людей, то отметим следующее. Если утверждать,
что религия – личное, частное дело каждого от-
дельного человека, то здесь говорить о преемстве

просто не приходится. Это тогда не религия, а набор бытовых привычек отдельных людей, ничем не связанных друг с другом или безблагодатная религия. Набор привычек – только разъединяет. Преемство преданий, религия объединяет. Религия и содержит преемство преданий и главных устоев, поэтому нравственно объединяет, формирует державное мышление, объединяющее людей в одном смысловом поле.

Если говорить о государстве и государственном управлении, то отсутствие державности как органического преемства-единства, хотя бы и в одном только государственном аппарате в лице одного только чиновничества, вне его связи с обществом погубило не одну державу. Например, Византию, в которой, как известно, диктатура чиновничества как раз и довело страну до гибели. Кроме того, здесь сыграл свою роль и другой, «ведомственный», не согласованный с другими интересами, интерес. Это – национализм в виде так называемого «эллинского сепаратизма», как националистическая гордыня, что в многонациональной стране совершенно неприемлемо. Поэтому, державное мышление – это прежде всего и совмещение, как баланс, созвучие (симфония) государственной целостности и местного обособления. Когда берёт верх одно из двух, то нет не только державности, но и благополучия ни для государства, ни для регионов. Более того, – в проигрыше и то, и другое. Но есть ещё и третье – столкновение местнических мышлений, или, как сейчас принято говорить в постмодерне – «локальных нарративов», каждый из которых с переменчивым успехом претендует на державность, главенство, наперекор общей пользе государства и его народов в целом. Это было не раз во многих странах в виде междоусобиц, гражданских войн, смут и мятежей, имевших целью борьбу за обособление от целого, а не в борьбу за единство целого, общего дела. Было это и в России. И преемство державного мышления – ещё и в памяти об ошибках, и в их преодолении.

Собственно, гимн державности как единству державы, как единству Святой Руси, содержат уже первые памятники письменности нашей страны. Святая Русь, собственно говоря, по мнению А.С. Хомякова, «создана самим Христианством» [17, с. 448]. Об этом прозрения, пророчества Св. Илариона, поклонника Даниила, совершившего паломничество в Иерусалим. Об этом – «Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет» Нестора летописца. Об этом «Слово Даниила Заточника». Призыв: «Вострубим, как в златоконные трубы, во все силы ума своего» [18, с. 67]. Предостережение: «Ибо сказал брат брату: «Это моё и то моё же; И стали князья про малое «это

великое» говорить, и сами на себя крамолу ковать. А поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую» [19, с. 12].

И Хомяков, и Данилевский, и многие-многие другие деятели русской культуры считали, что единство, общечеловеческие ценности, культура, цивилизация в их крепости и освящении – от одной и неразрушимой связи с Христианством, как основой и культуры, и цивилизованности, и «отделение Церкви от человечества возможно и понятно при юридическом рационализме западных определений и совершенно невозможно при живой целостности православия» [17, с. 454].

Под благословением чистого закона державности, явленного высокой святостью Православного Христианства, развились по А.С. Хомякову, общежительные добродетели, которым и до сих пор удивляются даже иноземцы, несколько беспристрастные. Благородное смирение, кротость, соединённая с крепостью духа, неистощимое терпение, способность к самопожертвованию, верность преданию подают всем народам «убедительный пример и великий урок, достойный подражания (если можно подражать тому, что есть последствие целого исторического развития)» [17, с. 457]. Тут многое ещё нужно изучать и потому, по А.С. Хомякову, многие самые разные явления считаются бессознательными. «Их должно называть недосознанными» [17, с. 463]. Это тоже составная часть философии государственного, державного мышления.

Ещё одна очень важная тема, связанная с рассмотрением проблемы государственного, державного мышления касается того, что сейчас наконец-то, всё явственнее можно слышать справедливые призывы к интеллектуальной деколонизации и интеллектуальном суверенитете. Но что это значит? Это именно философский вопрос. Речь здесь идёт не только о том, чтобы избавляться от неоправданного использования иностранных евро-атлантических терминов, вербального аппарата, семантико-семиотическое наполнение и использование которого, кстати, подчас гораздо менее эвристически плодотворно, нежели те наработки, которые предлагает отечественная культура. Избавляться надо и от того, что Н.Я. Данилевский называл «европейничаньем» [20, гл. XI]. Это безродный и беспочвенный космополитизм, который сам Николай Яковлевич считал пустым, даже разрушительным термином. Действительно, скажем так, чтобы быть «настоящим» в этом смысле космополитом, надо жить в космосе – пустом, безвоздушном, вне-биологическом пространстве, в котором нет пространственной, исторической, временной и любой другой определённости. Также будут

разрушительными и любые другие однозначные попытки определения человеческого естества, приводящие к однобоким соблазнам истолкования человека, общества и государства в категориях однозначного эконоцентризма или биологического детерминизма в духе Т.Р. Мальтуса, Ч. Дарвина или М. Фуко; психопатизма З. Фрейда. В этом смысле следует избегать и избавляться от вторичности и эпигонства, последнее, как подражание, реферативность и отсутствие своей авторской позиции и есть несамостоятельность, «не-само-державность». Истинная суверенность в этом смысле не запрещает инокультурные лексемы, смыслы, вербальный аппарат хотя бы потому, что любой язык как средство интерактивного смыслового обмена – уже есть заимствование. Например, сейчас внешнеполитическую позицию России не просто искажают, её не хотят видеть и слышать, пытаются отменить и даже уничтожить, «нанести стратегическое поражение» ... При этом забывается то, любая культура, которая запрещает или отменяет какую-либо другую культуру, тем самым запрещает и отменяет саму себя. Поскольку, как уже было сказано – отменяется основная функция языка как средства информационно-коммуникационного обмена, взаимодействия равноценных смыслов. Если смыслы признаются неравноценными, то они не подлежат обмену или же такой обмен становится непродуктивным. Нельзя слишком долго менять стекляшки на золото и наоборот. Стекло, как и золото, нужно менять на равноценные им по качеству и стоимости изделия. Иначе обмен просто прекратится. Так и со смыслами.

Напротив, философия государственного, державного мышления видит своё само-господство (суверенитет) в выработке отношения, повторяем, авторской позиции к любым заимствованиям. Считаюсь, повторяем, со значимостью доказательности авторской позиции оппонента. В этом смысле де-американизация и де-европеизация, о которых, повторяем, в последнее время так много говорят на самых разных, в том числе и на самых высоких, уровнях – это «айронэ» – отстранённость, стремление к суверенности, которая не отменяет универсальность и многополярность как право на «инаковость», право на то, чтобы быть другим в единой и устойчивой системе нравственных координат.

Что касается именно биологических начал социально-политического мира, то отметим следующее. Само слово «био-политика» носит гносеологический, т.е. понятийный, а, значит, мета-биологический характер. И тогда, это именно философское, как системное, универсальное и целостное и, в этом смысле, государственное,

державное мышление. Точнее, – один из его аспектов, правомерный в случае учёта ряда других, о которых уже говорилось ранее: историко-культурных, цивилизационных, религиозных.

Всякая одноаспектность, выдавание частного за всеобщее, видового за родовое, против чего, собственно говоря, и предостерегает философия государственного, державного мышления, чревата серьёзнейшими кризисами, ошибками и даже катастрофическими последствиями для любой страны и человечества в целом, и не только в стратегическом, но и тактическом, даже – оперативно-тактическом отношениях. В реальной политике излишняя поверхностность, пристрастность, предубеждённость не даёт возможности просчитать опасности и предостеречь от корпоративной, стратифицированной позиции «непогрешимости», отвращает от истинного космополитизма, который в отличие от беспочвенничества, призывает к вселенскости «метафизики всеединства» (по В.С. Соловьёву).

В конце концов, есть опасность, чреватая потерей статуса научности экспертизы, как таковой, в силу утраты научной, информационной, политической, религиозной, вообще рефлексивной автохтонности как право на объективность, в случае нарциссического утверждения тем или иным сообществом или лидерам своего права на «непогрешимость».

В самом деле, проблема субъективизма как пристрастности и предубеждённости и, как следствие, ошибочности экспертизы в социально-политической, правовой и экономической; тем более – в биологической областях, стоит особенно остро. Особенно, если речь идёт именно о светском характере жизни общества, где как говорят, «каждый по своему прав» и нет, как почему то полагают некоторые в духе постмодерна, онтологии нравственно-юридического нормирования (как например, в случае с гравитацией в области физики).

Кто, собственно говоря, во всех этих вопросах является здесь гносеологическим и (или) онтологическим субъектом? Другими словами, мыслящим и действующим как именно существующим лицом? В Церкви можно говорить о гносеологическом субъекте в виде единства союза молящихся как о «единомыслии» (омонойя). Или об онтологическом единстве, явленном в процессе Евхаристического причащения.

А в повседневной жизни? Кто может в политике поручиться не только за какое-либо знание помыслов людей, которых он считает единомышленниками, но даже и за самих себя? Как говорил Митя Карамазов, во мне – такие глубины, в которых я не только другим, но и самому себе не могу

признаться.... Уже римляне, повторяем, понимали и разделяли *socium* – формальную общность, официальный союз, механическое сборище случайно собравшихся людей, и *socius* – товарищество, дружественное единство, душевное единство как особую общность.

Любые исследования человека или сообщества людей как субъекта имеют и могут иметь заведомые, если угодно, вероучительные установки, от которых не только долговременно, но и напрямую, оперативно, будут зависеть те или иные результаты исследований, осуществляемые с помощью политических решений в обществе. Обозначим эти установки.

Во-первых, это установка, согласно которой, человек – целиком и полностью является продуктом внешних обстоятельств. Природно-биологических, медицинских, социально-политических, психо-эмоциональных, цивилизационных, т.е. механизмов-сил, безжалостных и неотвратимых.

Во-вторых, человек – духовно-нравственное существо, ибо несмотря на все экзистенциальные и прочие трудности и ограничения, в том числе, и биологические, в пространстве, времени, бытии, он, всё-таки, обладает высочайшим даром – свободой воли и, следовательно выбора между тем, что правильно и что неправильно, добром и злом, легитимным поступком и криминальным действием, красотой и безобразием, добродетелью и пороком, истиной и ложью, здоровьем и болезнью. Он может ошибаться, приняв ложь за истину (отрицательная свобода), но у него есть и шанс на благо исцеления и излечения (положительная свобода).

Предположим, что истинно первое допущение. Но тогда совершенно не понятна мета-позиция, трансцендентность, так сказать, эксперта-аналитика. Откуда вообще в этих условиях берётся наука, искусство, та же философия, политика, общество, вообще общественное мнение? В том числе и мнение человека о самом себе, т.е. сам человек? Кроме того, возникает следующий вопрос. А несёт ли в этом случае человек, ведущий такой «растительный» образ жизни, если он даже существует без всяких раздумий о том, кто он и есть ли он вообще, хоть какую-то ответственность за что бы то ни было? Не «справедливее» ли сначала «исправить» «неправильную» и «несправедливую» среду влияния, провести реформу, модернизировать «негодную формацию», устранить «эксплуататоров» или удалить «некомпетентную номенклатуру», «неумелую элиту» или, по крайней мере «выявить», «преодолеть» и, в дальнейшем, удалить какой-то «вредный» био-психологический «комплекс»? Или, например, утвердить раз и навсегда правильный (не важно – «либеральный», «коммунистический» или какой-то другой)

строй, комплекс, учение и т.д. А уж только потом спрашивать ответственности с человека.

Но вот беда – это «потом» никогда не наступает. С юридической же точки зрения, как подтверждает история и современность, наблюдается перенапряжение уголовно- и административно-принудительной функции закона и не по отношению к «внешним средам» и всяким «комплексам», а именно по отношению к тому же человеку, который, согласно этому подходу, является всего лишь их продуктом. Но тот же опыт показывает: без свободной воли и личного ответственно-нравственного выбора личности и общества, их «трансцендентального единства апперцепции», так и «социального единения» никакой устойчивой социально-политической стабилизации и выхода из правового хаоса и «влияния сред» избавления не наступает.

Кроме того, говоря о социально-политической субъектности в виде философии государственного, державного мышления, укажем и на сам факт, социологический, по существу, неустойчивости данных в области изучения именно светского «общественного мнения», склонного, как это метко отмечал П.И. Новгородцев, к резким переменам. При этом устойчивых данных не дают ни опросы, ни разного рода анкетирования, ни кластеры, ни плебисциты, ни референдумы, ни даже голосования.

Тем более спорной представляется без должного философского анализа такое явление как «коллективная биологическая жизнь» ... Это тем более справедливо, если говорить о таких, постоянно сейчас употребляемых в постмодерне терминах, как «база», «теоретическое поле» и т.д., и т.п. Повторяем, и с гносеологической, и с онтологической точек зрения эти высказывания, принимаемые как утверждения, даже аксиомы, нуждаются в доказательствах. Здесь имманентно, имплицитно, скажем даже априорно, но подразумевается фатальный детерминизм. Но как было сказано ранее, возникает слишком много вопросов к концепциям предопределённости и обусловленности и в отношении исследуемой области, и в отношении самих исследователей.

Позволим себе сказать следующее: утверждение любой зависимости от внешней среды – это уже теоретическое высказывание, как свидетельство творческой активности человека, а не внешней среды, т.к. это свидетельство, прежде всего, его, человека, свободной оценки, идущей, в конце концов, именно от человека. Сама среда, как известно, пока ещё не даёт никаких оценок ни о себе, ни о человеке, на которого «она влияет». Если руководствоваться установками «внешних сред», то тогда нужно иметь в виду следующее. Становится

необходимым изучать любые био-природные и другие среды – географические, биологические, психо-эмоциональные, даже цифровые. А, по Фрейдю, и сексуальные комплексы, т.е. какие угодно. Однако в этом случае любая форма теоретизирования, как само-рефлексия, как проявление культуры мышления, осмысления чего бы то ни было – будь то наука (особенно фундаментальная), искусство, история, литература, философия, религия – не самоценны, дисциплинарно не автономны, – опять-таки. Это некие «культурные коды», которые передаются внешними, апостериорными, а не априорными, как определял И. Кант, способами.

Взгляд на политику, как исключительно био-политику, пост модернизма, лишает любую гуманитарную науку права на существование, статуса самостоятельности, в том числе и политологию. Но тогда политику как искусство, т.е. творческий поиск нового знания (по Аристотелю), начинают путать с биологическими реакциями, зависящими от механического воздействия чего-то извне.

Однако политика не передаётся только контактным, так и хочется сказать, «тактильным» способом. Так странствуют по истории «архетипы» и «абсолютные предпосылки сознания», они то возникают, то исчезают без всяких видимых на то причин при полном, так сказать, благополучии «внешних сред» или полном их отсутствии, например, в информационно-коммуникационной среде и почему интерес к ним то растёт, то идёт на спад. Как говорится «свободный дух дышит, где хочет». Но известно: при нарушении неких невидимых, именно религиозно-нравственных начал неминуемо и без единого исключения наступают неотвратимые последствия. Об этом свидетельствуют не только древние времена, но и не столь отдалённые, в том числе и современность. И в этом честно признавались и А.С. Пушкин, и М.Ю. Лермонтов, и Н.Я. Данилевский, и О. Шпенглер, и К. Юнг, и Р.Дж. Коллингвуд и многие, многие другие.

В любом случае, какая бы то ни было культура не может быть только био-контекстной. Культура не вирус, вроде гриппа. Заметим, опять-таки, некоторые культуры, казалось бы, навсегда утраченные, возрождаются, а некоторые, незабываемые, стоящие, казалось бы, на вершине могущества – вырождаются и пропадают без следа. На это, кстати, обратил внимание один из ярчайших адептов теории фатального влияния внешних сред П. Гольбах, утверждавший главенство именно биологических, географических, природных, а не культурных факторов. Он, как известно, называл человека музыкальным инструментом «пи-

анино», которое играет только потому, что по его клавишам бьют те или иные внешние силы, которые на самом деле и представляют интерес. И изучать надо их, точнее – силу их удара, а не ту музыку, которая при этом звучит. Но, в конце концов, признался, что при глубоком изучении предмета оказывается, что если и справедливо, что человек – это «пианино», то – это «бешеное пианино», поскольку всё-таки музыка звучит (а то и не звучит вовсе!) не благодаря, а вопреки каким бы то ни было силам! И это противоречит биологизму, отрицает его.

Если в зарубежной традиции такая критика, как самокритика-отстранённая рефлексия по отношению к собственным выводам довольно редкое дело (если судить об этом, основываясь на взглядах Левкиппа, Демокрита, Эмпедокла, Ибн-Халдуна, Дидро, Руссо, Мальтуса, Дарвина, Маркса; за исключением того же П. Гольбаха; или ученика Фрейда Адлера и, отчасти, самого Фрейда), то в истории мысли России есть огромное количество авторов, которые всесторонне и критично рассматривали не только взгляды своих оппонентов, но и свои собственные взгляды. Пытались именно системно сопрягать и природные, и социальные, и психологические, и разумные, и вероучительные начала человеческой жизни и в этом смысле стояли на позициях державного мышления.

Это подтверждается творчеством Нестора летописца, «Слова о полку Игореве», Даниила Заточника и кончая великими русскими поэтами, писателями и философами, пытавшимся именно «системно», «государственно-державно» взглянуть на человека и его глубины и противоречия, как внешние, так и внутренние, во «всеединстве» (Г. Сковорода, А.С. Хомяков, А.С. Пушкин, Ф.М. Тютчев, Ф.М. Достоевский). Интересны В.С. Соловьёв, Н.Я. Данилевский с его ярчайшей критикой дарвинизма, Бердяев, Булгаков, отец и сын Лосские, Вернадские, Л.А. Тихомиров, И.Л. Солоневич. Сейчас можно отметить творчество естествоиспытателя академика Н.Н. Моисеева, философов А.С. Панарина, В.Н. Расторгуева и многих других авторов.

Выводы

Как бы то ни было, говоря о роли био-политики, обычно имеется в виду, независимо от того, осознаётся это или нет, одно из двух типов философских рефлексий: 1. Это философия «государственно-державного», «культуро-державного», «человеко-державного» мышления, которое именно «держит» человека в состоянии самодисциплины, сосредоточенности (если угодно, – поста) и ответственности, удерживает от ошибок,

если угодно. 2. Никакой самодисциплины и ответственности нет, «всё дозволено»; а есть «препоны, силы, среды и трудности», которые не понятно как, но надо преодолевать.

Во втором случае люди уже самим фактом своего рождения, своей биологией, предназначаются или к спасению, или к гибели; к успеху или упадку. И кому на роду что написано, того и не миновать.... Но точно ли это люди, а не марионетки? И точно ли такие рекомендации –

наука и философия, а не обывательское частное мнение?

В первом случае, при всех ошибках и опасностях и в самой страшной ситуации есть шанс на благо при наличии соответствующей с нашей стороны инициативы [6, с. 362]. В первом случае о продуктивных научных рекомендациях «всех сил ума своего» как философии государственного, державного мышления говорить можно. Во втором – затруднительно.

Список литературы

1. Esposito R., Nanafi Z. Community, immunity, biopolitics // Angelaki. 2013. Vol. 18. Iss. 3. P. 83–90. <https://doi.org/10.1080/0969725x.2013.834666>
2. Аласания К.Ю. Биополитика от Спенсера до Эспозито: ключевые концепции и подходы. М.: Издатель А.В. Воробьев, 2023. 316 с. ISBN 978-5-93883-499-6
3. Аласания К.Ю. Биополитика: ключевые направления концептуализации в современной политической науке // Философия политики и права: Ежегодник научных работ. 2023. Вып. 14. С. 9–19. EDN BMAFHL
4. Аласания К.Ю. «Идентичность» как понятие биополитики в эпоху глобализма // Философия политики и права: Ежегодник научных работ. 2022. Вып. 13. С. 52–62. EDN GFXFEA
5. Каким мир будет после пандемии: прогнозы современных философов // snob.ru: [сайт]. 17.04.2020. URL: <https://snob.ru/entry/191734/> (дата обращения: 20.06.2023).
6. Соловьёв В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. 824 с. ISBN 5-244-00192-2
7. Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. 607 с.
8. Лосский Н.О. Ценность и бытие. М.: АСТ, 2000. 864 с. ISBN 966-03-0722-5
9. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М.: Центр «СЭИ», 1991. 288 с.
10. Скворцов К.И. Философия Отцов и Учителей Церкви. М.: О-во любителей православной литературы, 2007. 472 с. ISBN 485-779-2
11. Бердяев Н.А. Опыт эсхатологической метафизики (Творчество и объективация). Париж: YMCA-PRESS, 1947. 219 с.
12. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М.: Наука, 1988. 520 с. ISBN 5-02-003325-1
13. Вернадский Г.В. Начертание русской истории. М.: Айрис Пресс, 2004. 368 с. ISBN 5-8112-0019-6
14. Оптинские старцы: наставления, письма, дневники. М.: Лепта Книга, 2011. 816 с. ISBN 978-5-91173-282-0
15. Тихомиров Л.А. Христианство и политика. М.; Калуга: Аликс, 2002. 616 с. ISBN 5-89653-012-9
16. Лебон Г. Психология народов и масс. М., 2023. 288 с.
17. Хомяков А.С. По поводу статьи И.В. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» // Хомяков А. С. Полн. собр. соч.: в 2 т. М.: Университет. тип., 1861. С. 195–260
18. Слово Даниила Заточника, написанное им своему князю Ярославу Владимировичу. // Литература Древней Руси. М.: АСТ, 2021. С. 67–75.
19. Слово о полку Игореве // Литература Древней Руси. М.: АСТ, 2021. С. 3–55.
20. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Де Либри, 2016. 768 с. ISBN 978-5-386-07994-9

Информация об авторах:

Виктор Иванович Шамшурин – доктор социологических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия (e-mail: shamshuriny2@mail.ru) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1099-346X>)

Нина Григорьевна Шамшурина – доктор экономических наук, профессор кафедры социологии медицины, экономики здравоохранения и медицинского страхования, Первый МГМУ им. И.М. Сеченова, Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования, Москва, Россия (e-mail: shamshurina8@mail.ru) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6015-4787>)

Заявленный вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Виктор Иванович Шамшурин.

Статья поступила в редакцию 16.08.2023; одобрена после рецензирования 14.10.2023; принята к публикации 01.12.2023.

References

1. Esposito R., Hanafi Z. Community, immunity, biopolitics. *Angelaki*. 2013;18(3):83-90. <https://doi.org/10.1080/0969725x.2013.834666>
2. Alasaniya K.Yu. Biopolitika ot Spensera do Ehspozito: klyuchevye kontseptsii i podkhody. Moscow: Publisher A.V. Vorobyov; 2023. 316 p. (In Russ.) ISBN 978-5-93883-499-6
3. Alasaniya K.Yu. Alasaniya K.YU. Biopolitika: klyuchevye napravleniya kontseptualizatsii v sovremennoi politicheskoi nauke. *Filosofiya politiki i prava*. 2023;(14):9-19. (In Russ.)
4. Alasaniya K.Yu. «Identichnost'» kak ponyatie biopolitiki v ehpokhu globalizma. *Filosofiya politiki i prava*. 2022;(13):52-62. (In Russ.)
5. Kakim mir budet posle pandemii: prognozy sovremennykh filosofov // snob.ru: [site]. 17.04.2020. URL: <https://snob.ru/entry/191734/> (access date: 06.20.2023). (In Russ.)
6. Soloviev V.S. Sochineniya v 2 tomakh. Vol. 2. Moscow: Mysl; 1990. 824 p. (In Russ.) ISBN 5-244-00192-2
7. Frank S.L. Sochineniya. Moscow: Pravda; 1990. 607 p. (In Russ.)
8. Lossky N.O. Tsennost' i bytie. Moscow: AST; 2000. 864 p. (In Russ.) ISBN 966-03-0722-5
9. Lossky V.N. Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoi Tserkvi. Dogmaticheskoe bogoslovie. Moscow: SEI Center; 1991. 288 p. (In Russ.)
10. Skvortsov K.I. Filosofiya Ottsov i Uchitelei Tserkvi. Moscow: Society of Lovers of Orthodox Literature; 2007. 472 p. (In Russ.) ISBN 485-779-2
11. Berdyaev N.A. Opyt ehskhatologicheskoi metafiziki (Tvorchestvo i ob"ektivatsiya). Paris: YMCA-RESS; 1947. 219 p. (In Russ.)
12. Vernadskiy V.I. Filosofskie mysli naturalista. Moscow: Nauka; 1988. 520 p. (In Russ.) ISBN 5-02-003325-1
13. Vernadskiy G.V. Nachertanie russkoi istorii. Moscow: Airis press; 2004. 368 p. (In Russ.) ISBN 5-8112-0019-6
14. Optinskiy startsy: nastavlenniya, pis'ma, dnevniki. Moscow: Lepta kniga; 2011. 816 p. (In Russ.) ISBN 978-5-91173-282-0
15. Tikhomirov L.A. Khristianstvo i politika. Moscow; Kaluga: Alir; 2002. 616 p. (In Russ.) ISBN 5-89653-012-9
16. Lebon G. Psikhologiya narodov i mass. Moscow; 2023. 288 p. (In Russ.)
17. Khomyakov A. S. Po povodu sta't'i I. V. Kireevskogo "O kharaktere prosveshcheniya Evropy i ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii". In: Khomyakov A. S. Polnoe sobranie sochinenii v 2 t. Moscow: Universitetskaya tipografiya; 1861. P. 195–260. (In Russ.)
18. Slovo Daniila Zatochnika, napisannoe im svoemu knyazyu Yaroslavu Vladimirovichu. In: Literatura Drevnei Rusi. Moscow: AST; 2021. P. 67–75. (In Russ.)
19. Slovo o polku Igoreve. In: Literatura Drevnei Rusi. Moscow: AST; 2021. P. 3–55. (In Russ.)
20. Danilevskii N.Ya. Rossiya i Evropa. Moscow: De libri; 2016. 768 p. (In Russ.) ISBN 978-5-386-07994-9

Information about the authors:

Viktor I. Shamshurin – Doctor of Sociological Sciences, Professor in the Department of Philosophy of Politics and Law, the Faculty of Philosophy, the Moscow State University of M.V. Lomonosov, Moscow, Russia
(e-mail: shamshuriny2@mail.ru) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1099-346X>)

Nina G. Shamshurina – Doctor of Economical Sciences, Professor in the Department of Medicine Sociology, Economics of Healthcare and Health Insurance, Sechenov First Moscow State Medical University, Russian Medical Academy of Continuing Professional Education, Moscow, Russia
(shamshurina8@mail.ru) (ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6015-4787>)

Authors' declared contribution:

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflict of interest.

The author responsible for the correspondence is Viktor I. Shamshurin.

The article was submitted 16.08.2023; approved after reviewing 14.10.2023; accepted for publication 01.12.2023